

А. Ф. Рогалев

**ЭТНОНИМ ГУДЫ НА ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
КАРТЕ: ПОИСКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ
МОТИВАЦИИ**

Среди разнообразных этнических наименований булорусско-литовского пограничья внимание исследователей привлекает этноним *гуды*, который употребляется литовцами для обозначения соседнего белорусского населения (от литовского *gudas* — белорус, *gudai* — белорусы). В районах, где взаимодействуют различные этносы, названия народов очень часто отражаются в топонимии. Не является исключением и этноним *гуды*, от которого лексико-семантическим способом образовано пять географических названий на территории Белоруссии: Гуды — с. Воложинского р-на, Гуды — село Лидского р-на Гродненской обл., застенки, имение, фольварк (далее — с., з., ф.) бывшего Лидского уезда. В названиях деревни, поселка, железнодорожной станции, хутора, фольварка, застенка Гудогай Островецкого р-на Гродненской обл. первая часть словосложения представляет собой этнонимическую основу *гуд*¹. Ряд топонимов образовался в результате расширения этноосновы *гуд*- различными формантами: Гудовщина — село Молодечненского р-на Минской обл., Гудовщина — с. Ошмянского р-на Гродненской обл.², Гудишки — с. Щучинского р-на, Гудышки — с. Ивьевского р-на Гродненской обл., Гудово — с. Верхнедвинского р-на Витебской обл. и фольварк бывш. Лепельского уезда Витебской губ., Гудово, Новое Гудово, Земляное Гудово — села Дубровенского р-на Витебской обл.

В топонимах с суффиксом *-ово* нельзя отрицать возможность опосредованной связи с этнонимической основой *гуд*- (через антропонимы). Антропонимы, обозначающие имя основателя села или самую распространенную в соответствующем населенном пункте фамилию, возникшую от этнонима *гуды*, лежат, как можно судить, в основе следующих географических названий: Гудали — с. Островецкого р-на, Гудаловка — хутор Ошмянского р-на, Гудели — с. Вороновского и хутор Островецкого р-на Гродненской обл., Гудели — с. Столбцовского р-на Минской обл., Гудовичи — с. Червенского р-на Минской обл., Гудевичи — с. Мостовского р-на Гродненской обл., Гуденики — с. Островецкого р-на Гродненская обл. (ср. белорусские фамилии Гудаль, Гудзель, Гудович, Гудзень, Гудзенья)³; Гуденяты — села Ошмянского и Ивьевского районов Гродненской обл.⁴

С антропонимами этнонимического происхождения связаны также следующие географические названия, в которых очевидно наличие соответствующего литовского топонимического форманта: Гудинишки — с. Вороновского р-на Гродненской обл.; Гуделишки — с. Постаковского р-на Витебской обл., Гудалишки — хутор Островецкого р-на Гродненской обл. (ср. литовские и белорусские антропонимы *Гудзень, Гуделис, Гудялис, Гудель, Гудаль*)⁵.

Тесная связь антропонимических и этнонимических основ в топонимах рассматриваемого типа объясняется тем, что признак по этнической принадлежности к той или иной группе населения отражается как через личное имя, так и через групповое наименование. В одном каком-либо населенном пункте этот признак мог проявляться и в названии всех жителей, и в фамилиях конкретных лиц.

Этноним *гуды* в географических названиях Белоруссии, как видим, распространен в северо-западной части республики (Верхнедвинский р-н Витебской обл.), почти на всем протяжении белорусско-литовского пограничья (Поставский р-н Витебской обл., Островецкий, Ошмянский, Вороновский, Лидский районы Гродненской обл.), в некоторых из тех районов, где историко-этнографические материалы отмечают наличие в прошлом более или менее значительных анклавов литовского населения (Молодечненский, Воложинский, Столбцов-

ский районы Минской обл., Ивьевский, Шучинский, Мостовский р-ны Гродненской обл.)⁶, а также в Лепельском и Дубровенском районах Витебской обл., в отдалении от белорусско-литовского пограничья, но тем не менее в зоне географических названий, производных от этнонимических основ *литв-*, *литов-* (*литвины*, *литовцы*)⁷.

Некоторое количество названий, связанных с этнонимом *гуды*, отмечается на территории Литовской ССР, вблизи белорусского пограничья⁸.

Исследователи, занимавшиеся рассмотрением этнонима *гуды*, отмечали, что он употребляется не только для обозначения белорусов литовским населением в контактной зоне на белорусско-литовском пограничье. По свидетельству польского этнографа Й. Сембжицкого, «литвин прусский называет жителей околлиц, на юг от него лежащих, именем *gudai*, не обращая внимания на то, являются ли они поляками, литвинами или белорусами»⁹. Как указывает А. Брюкнер, «литвины зовут своих соседей с востока гудами, причем наблюдается интересная закономерность: прусский литвин гудами называет жмудинов (жемайтов. — А. Р.), а жмудины гудами называют белорусов, т. е. каждый из этих народов использует этноним гуды для обозначения своих восточных соседей»¹⁰. Белорусский этнограф М. Я. Гринблат писал о том, что литовцы, живущие по левому берегу Немана в районе Друскининкай, называют гудами своих соплеменников-литовцев с правобережья Немана, а белорусы Поставского р-на Витебской обл. называют соседнюю с запада территорию *Гадуцеушчынай*¹¹. Литовское название *gudas* в значении «польский литовец, белорус» отмечал также Ю. Ю. Трусман¹².

Таким образом, этноним *гуды* не имеет точной этнической соотнесенности. Он является как бы «блуждающим» этнонимом, однако непостоянство его содержания (литовцы, поляки, белорусы) сочетается с интересной географической приуроченностью, в которой проявляются, на наш взгляд, определенные закономерности. Следует обратить внимание на то, что данный этноним функционирует в строго очерченном ареале: белорусско-литовское пограничье, бывшая прусская этническая территория (Калининградская обл. и северная часть мазовецких земель Польши). Направление локализации этнонима преимущественно восточное и юго-восточное (от Калининградской обл. и Мазовии по направлению к западной части Литвы — Жемайтии и далее на юго-восток в Аукштайтию и к белорусско-литовскому пограничью).

Рассмотрение этнонима *гуды* в историко-этнографической и лингвистической литературе сводилось преимущественно к попыткам найти более или менее приемлемое объяснение этого наименования. При этом меньше всего внимания уделялось вопросу о том, каковы те исторические предпосылки, которые обусловили появление литовского этнонима *gudai* и изменение его реального содержания.

Некоторые польские исследователи возводили этноним *гуды* к старолитовскому и старопрусскому названию *Gudwa*, которое в свою очередь связано с формой *Zudwa* (искаженное *Sudwa*, *Sudovia*)¹³. Этноним *sudwa* — *судавы*, как известно, являлся обозначением ятвягов. В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что ареал функционирования этнонима *гуды* в общих чертах совпадает с территорией ятвягов в тех ее координатах, которые намечают А. Каминьский и Е. Налепя¹⁴.

А. Брюкнер объяснял этноним *гуды* в связи с лит. *gūdas*, *-jis*, прусск. *gudde* — «лесной, лес», т. е. букв. «люди, живущие в лесах»¹⁵. При таком толковании этноним *гуды* типологически сопоставим со старопольским названием ятвягов — *Pollexiani*, которое, по мнению ряда ученых, интерпретируется как *Polesianie* — «жители лесов, лесистой местности»¹⁶.

Типологическое сходство этнонимов при таком объяснении примечательно постольку, поскольку одинаковые по семантике и структуре этнические имена возникают в относительно замкнутых ареалах, при сходных географических условиях и одинаковых хозяйственно-культурных типах¹⁷.

Существует и третья точка зрения, согласно которой этноним *гуды* связывается с этнонимом *готы*¹⁸, отражая при этом далекую эпоху владычества готов над рядом племен в ареале, включающем нынешнюю Калининградскую обл., Южную Литву, Северную Мазовию и белорусско-литовское пограничье. Именно в этом ареале готы в ходе своего движения из Скандинавии в Северное Причерноморье сделали длительную остановку. До конца II в. н. э. земли готов распространялись на устье Вислы, Восточную Пруссию и Северную Польшу, доходя на юге до низовьев Западного Буга¹⁹. Время формирования готов как соответствующей этноязыковой общности от момента появления их в Повисленье и до последующего движения в юго-восточном направлении было очень длительным, о чем свидетельствуют сообщения готского историка Иордана, согласно которым за этот период у готов сменилось пять правителей и «выросло великое множество люда»²⁰. Готы оставили о себе память среди местного населения, подчинив его и дав ему название. Об этом можно судить хотя бы по тому, что именно во II в. н. э. в античных письменных источниках упоминается этноним *судины* (*soudinoi* Птолемея). Птолемей явился первым писателем, который ясно засвидетельствовал совершившийся переход готов через Вислу²¹, т. е. начало их движения по Восточной Европе в юго-восточном направлении, когда, по всей вероятности, в языке готов уже существовали и были употребительными этнические наименования окружающих их народов. Во всяком случае, этноним *судины* (*судавы*, *судвы*) этимологизируется в литературе при сопоставлении со шведск. *sudda*, норв. *sudda*, нижненем. *suddeln* — «пачкать, марать», средне-нижне нем. *sudde* — «лужа, болото», исл. *suddi* — «влажность» т. е. от корня *sud-*, который в различных германских языках выступает также в глаголах со значением «идти» (о мелком дожде), «плескаться (в воде)»²².

Потомки тех племен, которые были названы готами *soudinoi*, переосмыслили этноним *готы*, и именем *гуды*, которое зафиксировалось в форме лит. *gūdal*, стали называть каждую группу населения, которая разговаривает на ином диалекте, причем элемент *gud-* в таком случае очень часто встречается в обозначениях с пейоративной окраской²³.

Здесь мы сталкиваемся с одной из особенностей древних этнических имен, заключающейся в том, что первоначальное этническое содержание имени становится неактуальным, забывается, а на первый план выдвигается отэтнонимическое значение, которое закрепляется в сознании носителей этнонима по отношению к тем народам, с которыми данная этническая группа находится в непосредственном соседстве и воспринимает их как «не своих, не наших» из-за особенностей языка, вероисповедания, культуры. Ср. русс. диал. *латыш* — «неразборчиво, непонятно говорящий», *чудь* — «непонятно говорящие люди»²⁴.

При переосмыслении этнонима следует ожидать и определенного фонетического переоформления имени, которое может быть причиной сознательного или неосознанного сопоставления его по созвучию с каким-нибудь существующим в языке апеллятивом. Возможно, что изменение этнонима *готы* в *гуды* было произведено при воздействии апеллятива *gudas-jis* — «лесной», что и было отмечено исследователями, занимавшимися происхождением этнонима *гуды*.

Таким образом, фиксируемый на белорусско-литовском пограничье и в северо-западных районах этноним *гуды* для обозначения «белорусов, поляков, литовцев» исторически, на наш взгляд, восходит к этнониму *готы*. Изменение содержания названия *гуды* свидетельствует о том, что данное имя уже давно утратило собственно этнонимическое значение, переосмыслилось и стало употребляться главным образом в речи литовцев для обозначения соседнего населения, отличающегося от них в этноязыковом отношении. Функционирование этнонима *гуды* в ареале от белорусско-литовского пограничья до Калининградской обл. СССР и северо-востока Польши и преимущественное направление локализации этнонима в юго-восточном направлении объясняется движением готов из Повисленья на юго-восток и их длительной остановкой в этом регионе. Балтийские племена в ареале от Повисленья до Понеманья испытали сильное и

продолжительное воздействие со стороны военнотруженических группировок готов. Этим и объясняется тот факт, что именно в литовском языке сохранилась форма *gudai* как своеобразная «консервация» этнонима *готы*.

Примечания

¹ В качестве источников фактического материала использованы: *Рапанович Я. Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці. Мінск, 1977; *его же.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці. Мінск, 1982; *его же.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці. М., 1981; *Сапунов А. П.* Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906; *Гошкевич И. И.* Виленская губерния. Полный список населенных мест. Вильна, 1905.

² Формант *-овщина* указывает на всю местность, характеризующуюся соответствующим признаком, отмеченным в основе.

³ Антропонимы приводятся по кн.: *Гринблат М. Я.* Белорусы // Очерки происхождения и этнической истории. Минск, 1968. С. 163.

⁴ Литовский топонимический формант *-ята* (в белорусской языковой среде *-яты*), как и суффикс *-ишки* обозначает коллектив людей по имени родоначальника или какого-либо другого лица, названного в основе (см.: *Гринблат М. Я.* Указ. раб. С. 146—147; *Бирьла М. В., Ванагас А. П.* Литовские элементы у белорусской анимации. Минск, 1968. С. 12).

⁵ Антропонимы приводятся по кн.: *Бирьла М. В., Ванагас А. П.* Указ. раб. С. 19, 75.

⁶ По мнению польского историка Г. Ловмянского, балто-славянская этническая граница накануне образования Киевского государства проходила по линии Слоним — Волковыск — Гродно — Новогрудок — Минск — Заславль — Логойск. К IX—XI вв. эта граница постепенно отодвинулась на запад и проходила по линии Гродно — Лида — Ивье — Вилейка — Мядель — Браслав (см. *Łowmiański H.* *Rozciągłość Polski.* Warszawa, 1967. Т. III. С. 86; Т. IV. С. 17.).

К первой половине XIX в. территория распространения литовской речи (с необязательным ее преобладанием) в юго-восточной части литовского языкового континуума ограничивалась линией, которую условно можно провести от Друи (на Западной Двине), восточнее Браслава, через Поставы, несколько восточнее Мяделя, на Сморгонь, далее по р. Березина на юг до Немана, затем на запад южнее Ивье, несколько южнее Лиды, затем на юг и юго-восток до Немана и за Неман до Дятлова, далее на северо-запад южнее Желудка и Щучина, приблизительно через Скидель, севернее Гродно на Сопоткин и Сейны. За этой линией литовский язык в виде «островов» употреблялся в Вилейском, Ошмянском и Новогрудском уездах (см. *Видутирис А. Ю., Климчук Ф. Д.* Некоторые вопросы этноязыковых процессов на балто-восточнославянском пограничье // *Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом.* М., 1978. С. 20—21).

⁷ В Дубровенском р-не фиксируется с. Литвиново, а в бывш. Лепельском уезде — деревни Литвиново и Литвяк. Аналогичные названия имеются также в соседних Сенненском и Оршанском районах Витебской обл. Согласно имеющимся источникам, на территории бывшего Сенненского уезда достаточно компактная группа литовцев проживала с XIV в., а в XVI в. это население было втянуто в процесс ассимиляции (см.: *Этнаграфія беларусаў.* Минск, 1985. С. 92—93).

⁸ В кн. *Гошкевич И. И.* Виленская губерния. Полный список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении. (Вильна, 1905) указываются следующие географические названия с корнем *гуд-* непосредственно вблизи белорусско-литовского пограничья: а) топонимы этнонимического происхождения: Гудышки — д. Свентянского у-да, Годишки — з. Виленского у-да, Гудяны — д. Троцкого у-да, Гудзи — з. Троцкого у-да; б) топонимы антропонимического происхождения: Гуделишки — д., з. Свентянского у-да, Гудутишки — мест., д. Свентянского у-да, Гуденйшки — ф., з. Свентянского у-да, Гуделишки — ф. Виленского у-да, Гуденйшки — д. Виленского у-да, Гуденйшки — з. Виленского у-да, Гудейки — д. Виленского у-да, Гудельки — з. Виленского у-да, Гуданишки — з. Виленского у-да — З. Гудельки — д., ф., з. Виленского у-да, Гудалувка — з. Троцкого у-да, Гудакеме — д. Троцкого у-да, Гудаш — ф. Троцкого у-да, Гудакольня — ф. Троцкого у-да, Гудельки — д. Троцкого у-да, а также многочисленные топонимы в форме Гудели (шесть названий в Свентянском и Виленском у-дах), которые можно рассматривать и как непосредственные этнонимические производные с суффиксом *-ели* от этнонима *гуды* (другое возможное решение — от антропонима *Гудель, Гудели*). Некоторые из приведенных названий рассматривает Е. Охманский (см.: *Охманский Е.* Иноземные поселения в Литве XIII—XIV вв. в свете этнонимических местных названий // *Балто-славянские исследования.* 1980. М., 1981. С. 115).

⁹ *Sembrzycki J.* *Ziemia północne i zachodnie kraju zudzińskiego i ich granice* // *Wiśła.* 1891. Т. V. № 4. С. 852.

¹⁰ *Brückner A.* *Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne.* Olsztyn, 1984. С. 17.

¹¹ *Гринблат М. Я.* Указ. раб. С. 162.

¹² *Трусман Ю. Ю.* Этимология местных названий Витебской губернии. Ревель, 1987. С. 82.

¹³ См., например, *Kamiński A.* *Jaciewicz. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne.* Łódź, 1953. С. 31—32.

¹⁴ *Kamiński A.* *Jaciewicz, Mapa 2; Nalepa J.* *Jaciewiczowie. Nazwa i lokalizacja.* Białystok, 1964. С. 41.

¹⁵ *Brückner A.* *Op. cit.* С. 197.

- ¹⁶ Kaminski A. Jacewiez. S. 19—22.
¹⁷ См. Чеснов Я. В. О социальной мотивированности древних этнонимов // Этнонимы. М., 1970. С. 47.
¹⁸ См. Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь, М., 1979. С. 323—329; Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Киев, 1980. С. 18—19.
¹⁹ Браун Ф. Разыскания в области готско-славянских отношений. I. Готы и их соседи до середины V века. Первый период: готы на Висле // Сборник отделения русского языка и словесности Имп. акад. наук. Т. 64. № 12. СПб., 1899. С. 25, 29, 335.
²⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 26.
²¹ Браун Ф. Указ. раб. С. 331.
²² См. Непокупный А. П. Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976. С. 112.
²³ Лит. *gūdai* имеет значения, инвариантом которых является «тот, кто не владеет нашей обычной речью» (см. Иванов В. В., Топоров В. Н. Указ. раб. С. 18—19).
²⁴ Белорусова О. М. К типологии от этнонимических наименований в апеллятивной лексике // Вопросы ономастики. 1979. № 13. С. 111—113; Агеева Р. А. Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы. С. 194—202.

С. В. Рябчиков

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СТАРОРАПАНУЙСКОМУ ЯЗЫКУ

*И познаете истину, и истина
сделает вас свободными.*

Евангелие от Иоанна. VIII. 32

I. Интерпретация топонима острова Пасхи. Западногерманский ученый Т. Бартель рассматривает составленный им каталог рапануйских топонимов в качестве важного подспорья в дешифровке надписей на знаменитых дощечках «кохау ронго-ронго»¹.

Учитывая то, что целый ряд каменных площадок аху острова Пасхи, на которых размещались каменные изваяния, изображавшие богов или обожествленных предков², содержит в своих названиях имена божеств, автор предпринял попытку разыскать такие имена в каталоге. Этот поиск необходим, поскольку тексты на дощечках содержат религиозные записи³, и в них могут быть представлены обнаруженные имена богов.

Сопоставляя списки божеств⁴ и топонимы из каталога, легко найти такие имена, как (*Ahu*) *hiva kara rere*, (*Ahu*) *manu mea*, (*Ahu*) *toko piki*, (*Ahu*) *tangaroa hiro*. (*Ahu*) *urauranga te mahina*. Некоторые другие названия аху требуют тщательного анализа. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет выяснение происхождения топонима (*Ahu*) *hihina tangi kotea*⁵. Слово *hihima* — неполное удвоение (одна из форм полинезийского словообразования) имени общеполинезийской богини луны *Hina*. Остальные слова имени — *tangi* — «кричать» и *kotea* — маорийское «бледный», как кажется сначала, не связаны с именем богини. Исследовав рапануйский фольклор, удалось установить: по своей структуре имя *Hina Tangi Kotea* близко к другому имени богини *Hina*⁶ — (*ko*) *Nuahine Arangi Kotekote* (Старица Бледного Неба); форма *kotekote* действительно соответствует форме *kotea*, а замена *tangi* / *rangi* объяснима: ср. рапануйское *matangi* — «облако»⁷, *rangi* — «небо, облако», а также *tangi*, *rangi* — «кричать».

Таким образом, мы восстановили древнюю форму имени богини *Hina* — *Hina Rangi Kote(a)*. Это имя содержится также в другом рапануйском фольклорном тексте⁸ в форме *Mahine a Rangi. Kotekote*, здесь богиня *Hina*, как и в других полинезийских мифах⁹, мать знаменитого героя полинезийцев, полубога *Maui-tikitiki*. Слова *Nuahine* и *Mahine* в вариантах имени богини луны *Hina* являются поздними наслоениями¹⁰.